

Глава 1

Ши Цзэ сидел на постели в оцепенении. Прошедшие похороны до сих пор не отпускали его, держа в тисках гнетущих воспоминаний.

Человек, которого сегодня предали земле, учился с ним в одной школе на параллельном потоке. Его звали Е Цэ. На самом деле они никогда не были близки — Ши Цзэ просто знал о существовании этого парня. Между ними не было ровным счетом ничего общего, и всё же кто-то зачем-то прислал ему извещение о смерти и пригласил на прощание.

Эти похороны можно было описать одним словом — фарс.

Ши Цзэ впервые видел столь странное зрелище. И дело было вовсе не в том, что родственники рыдали навзрыд или дрались из-за наследства прямо у гроба. Напротив, они оставались пугающе хладнокровными. Смерть молодого мужчины, от которого осталась лишь горсть пепла в урне, казалась им чем-то далеким. Они вели себя как случайные зрители, пришедшие поглазеть на чужую трагедию.

Настоящий хаос устроил человек по имени Су Цзинхэ. Ши Цзэ тоже его помнил — они учились в одной школе. Су Цзинхэ был лучшим другом покойного.

В разгар панихиды он ворвался в траурный зал во главе целой толпы крепких парней, заблокировав выходы. Встав впереди своих людей, Су Цзинхэ окинул «зрителей» презрительной усмешкой и ледяным тоном задал всего один вопрос:

— Как на самом деле погиб Е Цэ?

Ответом ему служило гробовое молчание. Наконец из толпы равнодушных родственников вышел пожилой мужчина и смерил незваного гостя тяжелым взглядом.

Это был отец Е Цэ — Е Сюань.

Е Сюань посмотрел на Су Цзинхэ и холодно произнес:

— Неужели в клане Су тебя совсем не учили правилам приличия?

— Прошу прощения, но правила моей семьи вас не касаются, — Су Цзинхэ сделал шаг вперед. Его глаза за стеклами очков опасно блеснули. — Я пришел сюда только ради одного: узнать, действительно ли Е Цэ погиб в обычной автокатастрофе.

Е Сюань презрительно хмыкнул:

— Су Цзинхэ, наши семьи входят в Четыре великих клана. Не стоит доводить дело до открытой вражды и позорить друг друга.

— Я никого не позорю. Я просто спрашиваю о причинах его смерти. И я ни за что не поверил бы, что Е Цэ мог так глупо погибнуть под колесами, не будь у этого «несчастливого случая» режиссера.

Су Цзинхэ многозначительно окинул взглядом тех, кто стоял по правую руку от Е Сюаня.

Этот взор, очевидно, задел старика за живое. Он ткнул в сторону парня пальцем и прорычал:

— Су Цзинхэ! Я проявил к тебе достаточно терпения из уважения к твоим старшим. Но раз уж ты сам нарываешься на неприятности, не вини клан Е в том, что мы забудем о вежливости!

С этими словами Е Сюань взмахнул рукой. Словно по команде, из боковых дверей хлынули заранее подготовленные телохранители. Завязалась яростная драка прямо перед поминальным алтарем. Траурный зал в мгновение ока превратился в поле боя.

Су Цзинхэ точным ударом ноги опрокинул на пол бросившегося на него громилу. Оглядев устроенный погром, он недовольно нахмурился. Он пришел сюда не за этим. Его целью было докопаться до правды, а не осквернять последний путь лучшего друга бессмысленным кровопролитием.

Он поднял руку, приказывая своим людям остановиться:

— Уходим.

Ши Цзэ завороченно смотрел на этого странного человека. Трудно было представить, как можно так мгновенно обуздать бушевавший в душе гнев и вернуть ледяное самообладание, чтобы спокойно отдавать приказы подчиненным.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Су Цзинхэ повернулся. Он неторопливо подошел к Ши Цзэ, смерил его оценивающим взглядом с ног до головы и горько усмехнулся:

— А ты всё-таки пришел. Значит, не зря он ради тебя...

Он не договорил. Лишь бросил на Ши Цзэ долгий, многозначительный взгляд, круто развернулся и зашагал к выходу.

Ши Цзэ решил, что это просто странная случайность, но на обратном пути у самого дома он вновь наткнулся на Су Цзинхэ.

Черный автомобиль представительского класса стоял у обочины — его владелец явно караулил Ши Цзэ. Заметив юношу, Су Цзинхэ опустил стекло и небрежным жестом подозвал его к себе.

Несмотря на замешательство, Ши Цзэ подошел. Су Цзинхэ посмотрел на него сквозь стекла очков, лицо его оставалось непроницаемой маской. Протянув руку в окно автомобиля, он передал плотный пакет из крафтовой бумаги.

— Кое-какие вещи Е Цэ. Он до последнего не хотел, чтобы ты о них узнал. Но я считаю, что спустя столько лет ты имеешь право знать правду.

— Что это?.. — нерешительно принимая сверток, спросил Ши Цзэ. Пакет оказался неожиданно увесистым. Заглянув внутрь, он обнаружил там лишь несколько толстых тетрадей.

— Записи одного редкого придурка, который расшибался в лепёшку, лишь бы их спрятать.

Су Цзинхэ оперся локтем о руль и щелкнул зажигалкой. Затянувшись, он с грустной усмешкой посмотрел на растерянного юношу и стряхнул пепел в окно.

— Ши Цзэ, ты даже не представляешь, какой ты счастливый человек. Первую половину твоей жизни кто-то зубами и когтями вырывал для тебя у судьбы право на безопасность, защищая от любых невзгод.

— Прости, но... я не совсем понимаю, — пальцы Ши Цзэ крепче сжали бумажный пакет.

— А тебе и не нужно понимать, — Су Цзинхэ повернул ключ в замке зажигания.

В его глазах, подернутых пеленой сигаретного дыма, отразилась целая гамма сложных чувств. Он словно хотел сказать что-то еще, но в последний момент передумал. Он лишь тяжело вздохнул, пряча лицо за сизым облаком:

— Ши Цзэ... Если бы время можно было повернуть вспять... Пожалуйста, не убегай от него больше. Этот идиот любил тебя до безумия, просто никогда не смел признаться. Даже если ты так и не сможешь ответить ему взаимностью, хотя бы не бойся его. Дай ему шанс, ладно?

Договорив, Су Цзинхэ сам опешил от собственной откровенности. На его губах промелькнула горькая усмешка:

— Извини. Забудь. Считай это бредом сумасшедшего.

Ши Цзэ оставался стоять у обочины, прижимая к груди пакет и глядя вслед удаляющейся машине. В словах уехавшего мужчины сквозила такая неподдельная, глубокая скорбь, что она невольно передалась и ему.

Взглянув на увесистый пакет в своих руках, он никак не мог взять в толк, к чему был весь этот разговор. Ему даже казалось, что Су Цзинхэ ошибся адресатом. Они с Е Цэ никогда не были близки. Более того, в школьные годы Ши Цзэ целенаправленно избегал этого парня, стараясь держаться от него как можно дальше.

Ши Цзэ опустил голову, и воспоминания о старшей школе хлынули в его сознание бурным потоком.

Тогда как раз закончились уроки. Проходя мимо глухого школьного переулочка, он случайно поднял голову и замер. На высоком каменном заборе, весь в ссадинах и синяках, сидел парень, наводивший ужас на всю округу. Заметив внизу притихшего отличника, хулиган негромко рассмеялся:

— Эй, малыш. Что-то ты сегодня припозднился.

С этими словами он легко спрыгнул на землю и вплотную подошел к нему:

— Я же, кажется, предупреждал тебя, чтобы ты не совался в этот переулочек? Какого черта опять здесь забыл?

Ши Цзэ действительно безумно его боялся. Он тут же попятился назад, стараясь удержать безопасную дистанцию, и, запинаясь, пролепетал:

— Я... задержался у учителя, задавал вопросы по уроку. Если идти в обход по главной улице... я не успею домой вовремя.

Ши Цзэ до дрожи страшился этого парня. Ему никогда не забыть тот день, когда он случайно стал свидетелем драки. Этот парень с диким, почти безумным блеском в глазах методично, удар за ударом, вбивал кулаки в лица тех, кто посмел бросить ему вызов. Его руки были содраны в кровь, земля вокруг была умыта багровыми брызгами, но он словно не чувствовал боли. Он лишь дико, пугающе улыбался, заставляя кровь стынуть в жилах.

И именно тогда, обернувшись, хулиган заметил застывшего на углу переулочка Ши Цзэ. В ту же секунду его окровавленные кулаки поспешно спрятались за спину, а на губах появилась привычная, нарочито ленивая усмешка:

— Надо же, наш образцовый мальчик. И почему тебя вечно тянет в эти трущобы?

Резкий, металлический запах свежей крови ударил Ши Цзэ в нос, заставив его сделать шаг

назад:

— Потому что... так ближе к дому.

Заметив это робкое движение назад, парень на миг погрузился, но тут же скрыл минутную слабость за маской напускного безразличия. Его голос прозвучал жестко и безапелляционно:

— Чтобы больше я тебя здесь не видел.

— Но почему? — набравшись смелости, спросил тогда Ши Цзэ.

— По праву сильного. Я только что отмудожил тех ублюдков и прибрал эту улицу к рукам, — парень засунул руки глубоко в карманы брюк, скрывая дрожащие окровавленные пальцы. Он ухмыльнулся, демонстрируя абсолютное равнодушие ко всему на свете. — Так что с этого дня забудь дорогу сюда. Попадешься еще раз — лично изобью.

В старших классах Ши Цзэ интересовала только учеба. Больше всего на свете он страшился таких отъявленных смутьянов, как Е Цэ. Возможность держаться от него подальше казалась настоящим спасением. Поэтому уже со следующего дня он беспрекословно подчинился требованию и больше ни разу не ступал в тот злополучный переулок.

Вернувшись в реальность, Ши Цзэ перевел взгляд на лежащий на кровати крафтовый пакет. Оказавшись дома, он сразу вскрыл его и теперь в нерешительности разглядывал ровную стопку тетрадей. Это были личные дневники Е Цэ.

Он прекрасно понимал, что читать чужие тайны без спроса — низко и подло, а потому долго не решался прикоснуться к ним.

«Записи одного редкого придурка, который расшибался в лепёшку, лишь бы их спрятать...»

В ушах эхом зазвучали горькие слова Су Цзинхэ. Ши Цзэ закусил губу и, отбросив сомнения, протянул руку к верхней тетради.

Он аккуратно открыл пожелтевшие от времени страницы первой тетради. Даты вели отсчет с того самого года, когда они только поступили в старшую школу. Размашистый, дерзкий почерк казался живым воплощением своего хозяина.

— 14 сентября. Этот парень сегодня выступал на линейке перед всей школой. Оказывается, он занял первое место на вступительных экзаменах по всему нашему потоку. Какой же он красивый, чистый... Когда он стоит на трибуне под флагом, кажется, будто он рожден для того,

чтобы им все восхищались. Я думал просто взглянуть разок и уйти, но почему-то не смог оторвать глаз. Су Цзинхэ, этот урод, ржет, говорит, я пялился на него как на благоверную женушку. Что за чушь? Я ведь даже по парням не тащусь.

— 22 октября. Сегодня его вызвали к завучу. Я испугался, что у него проблемы, и поперся в учительскую под предлогом сдачи объяснительной. Оказалось, его просто звали на олимпиаду. Ну еще бы, такой умник, разве он мог натворить делов?

— 15 января. Семестровые экзамены закончились. Посмотрел списки — он снова первый.

— 26 февраля. Этот мелкий опять потащился через тот глухой переулок. Ну почему его вечно туда тянет? Неужели этот дурачок не знает, что там постоянно трутся всякие отморозки и устраивают разборки?

— 10 марта. Слышал, первая школьная красавица призналась ему в любви. Сука, как же бесит!

— 15 марта. Су Цзинхэ сказал, что из-за того, что мелкий отшил эту девку, её ухажеры со своими друзьями собираются подкараулить его в переулке и проучить.

— 16 марта. Блядь, эти конченные реально зажали Ши Цзэ в углу. Хорошо, что я прогулял уроки и прибежал пораньше, чтобы раскидать эту шваль. Иначе они бы точно до смерти его перепугали. Но, черт возьми, он увидел меня прямо в разгаре драки и сразу свалил. Неужели он теперь меня до смерти боится?..

— 28 апреля. Просто хотел спрятаться за углом и покурить, а услышал, как этот ушлёпок, который вечно на втором месте, сговаривается с какими-то ублюдками избить Ши Цзэ. Мол, тогда тот загремит в больницу, пропустит промежуточные экзамены, и этот вечный неудачник наконец-то станет первым. Какого хера в этой паршивой школе вечно происходит какое-то дерьмо?!

Пальцы Ши Цзэ, сжимавшие страницы, заметно дрожали. Он крепко сжал губы и перевернул лист. Но, к его удивлению, регулярные ежедневные записи на этом прерывались. Пролистав несколько пустых страниц, он наконец наткнулся на неровные, прыгающие строчки. Буквы ложились криво — судя по характеру штрихов, Е Цэ писал левой рукой.

— 26 мая. Мать его, кто же знал, что этот урод Ян Ли притащит с собой нож. Перелом со смещением, врач говорит, срастаться будет месяца три. Хоть бы рука вообще не отсохла. Черт с ним, с ножом, но Ши Цзэ опять увидел меня в крови. Я заметил, как он шарахнулся в сторону — точно испугался до чертиков. Пришлось припугнуть его и запретить соваться в этот переулок. Мой мелкий слишком выдающийся, в этой помойке полно завистливых тварей, а он даже не понимает, в какой опасности находится. Я так боюсь, что однажды меня не окажется рядом или я просто не успею прийти на помощь.

Только теперь до Ши Цзэ дошло. Все те бесчисленные вызовы Е Цэ к директору в старшей

школе, жуткие шрамы на его руках и даже тот тяжелый перелом в выпускном классе — всё это было из-за него. Ши Цзэ искренне полагал, что после поступления в университет их пути разошлись навсегда, но Е Цзэ по-прежнему оставался рядом, незримым щитом оберегая его покой.

Даты на следующих страницах совпадали с годами его учебы в университете. Первая же запись на новой странице состояла из одного-единственного крупного, размашистого слова «Блядь», заставившего Ши Цзэ невольно замереть.

— 10 сентября. Я специально не стал подавать документы в тот же вуз, чтобы не мозолить ему глаза и не вгонять в краску при случайных встречах. Поступил в соседний Университет Цинда. Но кто же знал, что территории этих двух университетов настолько огромные! Сука, как же я жалею. Знал бы — пошел бы в Цзинда.

Сквозь эти короткие строчки отчетливо сквозило глухое раздражение и досада Е Цзэ. Ши Цзэ невольно представил, как этот грозный задира в ярости грызет колпачок ручки и строчит ругательства в тетрадь. На губах юноши промелькнула слабая, печальная улыбка.

Ши Цзэ всегда удивлялся, почему Е Цзэ, который первые два года только и делал, что спал на уроках да ввязывался в драки, в выпускном классе вдруг взялся за ум и начал зубрить день и ночь. Оказывается, всё это время у него была лишь одна цель — поступить в вуз по соседству, чтобы быть как можно ближе к нему.

Каким же он был дураком.

Ши Цзэ перевернул еще несколько страниц. Записи, датированные концом сентября, уже не отличались прежней аккуратностью. Строчки прыгали, буквы кривились — юноше пришлось изрядно поднапрячь зрение, чтобы разобрать написанное.

— 28 сентября. Сегодня я впервые прикоснулся к нему. Но только ради того, чтобы оттолкнуть.

Ши Цзэ недоуменно нахмурился. Насколько он помнил, они с Е Цзэ никогда не контактировали лично. Так почему тот написал эти слова?

Он поспешно перевернул страницу. В следующую секунду Ши Цзэ застыл, словно громом пораженный. Прочитанное заставило его зрачки сузиться от подступившего к горлу ужаса.

Оказывается, та жуткая авария на первом курсе университета... Это Е Цзэ в последний момент вытолкнул его из-под колес летящего грузовика. Сам Ши Цзэ при падении сильно ударился головой о бордюр и мгновенно потерял сознание.

Сам же Е Цзэ принял весь удар на себя. Его буквально раздавило многотонной машиной. Врачам потребовалось несколько сложнейших операций, чтобы буквально вытащить парня с

того света. Он выжил, но его искалеченная нога из-за страшного удара и старого школьного перелома так и не восстановилась. Он больше никогда не мог ходить как прежде.

За весь тот долгий период реабилитации в дневнике Е Цэ осталась лишь одна-единственная короткая строчка:

— Какое право я, такой калека, имею вообще показываться ему на глаза?

Ши Цзэ медленно закрыл дневник.

Тетрадей в пакете было много — целых семь или восемь штук, все толстые, исписанные вдоль и поперек. Иногда записи состояли всего из пары фраз, иногда растягивались на несколько страниц. Но в каждой строчке, в каждом слове сквозила бездонная, удушающая, годами подавляемая любовь, о которой этот человек так и не посмел закричать вслух.

И чаще всего на этих страницах повторялась одна и та же болезненная мысль:

«Он слишком чистый, слишком идеальный. Я не имею права утягивать его за собой в свое болото».

Ши Цзэ опустил голову, бережно поглаживая ладонью старую обложку тетради. Написанные размашистым почерком слова словно всё еще хранили тепло рук своего хозяина. Юноша и представить себе не мог, что человек, которого он так отчаянно избегал и боялся, на протяжении стольких лет молча нес в своем сердце эту всепоглощающую любовь. И унес её с собой в могилу.

С их первой встречи в старшей школе Е Цэ казался ему мрачным, опасным и нелюдимым. Все ученики знали, каков он в гневе, а потому обходили его за версту. Единственным человеком, с которым Е Цэ по-настоящему общался, был Су Цзинхэ.

Все считали, что Е Цэ живет на полную катушку, ни о чем не заботясь. Сколько бы его ни отчитывали учителя, он продолжал драться, а потом с самым раскаявшимся видом зачитывал перед школой написанные под копирку извинения, так что даже у завучей опускались руки. Он казался беззаботным бунтарем, которому плевать на весь мир.

Ши Цзэ обессиленно откинулся на подушки. Он лежал, безучастно уставившись в потолок, а вокруг него веером лежали раскрытые дневники Е Цэ. Внезапно очертания комнаты перед его глазами расплылись и пошли дрожащими волнами.

Только сейчас он осознал горькую истину: их жизни должны были пересечься сотни раз, но он сам, своими руками, сознательно обрубал любые нити, связывающие их, упрямо сбегаая при

малейшем намеке на сближение.

Ши Цзэ едва слышно прошептал в пустоту комнаты:

— Е Цэ...

В памяти всплывали бесконечные, написанные срывающейся рукой признания в любви. Каждое искреннее «ты мне нравишься», скрывающее невыносимую душевную боль, теперь раскаленным железом выжигало душу Ши Цзэ. Его веки задрожали, а уголки глаз повлажнили.

Спустя долгие минуты молчания он выдавил из себя хриплый вздох:

— Ну за что тебе всё это?.. Я ведь даже сотой доли этого не стоил.

Его голос пресекся. Он изо всех сил старался сдержать рвущиеся наружу слезы. В полумраке спальни мерно и равнодушно тикали настенные часы, но ответом ему была лишь мертвая тишина. Человек, любивший его больше жизни, ушел навсегда.

Всю свою прошлую жизнь Ши Цзэ прожил словно в полусне, окруженный ровными, пресными и бесцветными чувствами. Никто и никогда не заставлял его сердце биться быстрее. Но эта яростная, испепеляющая и в то же время невероятно бережная любовь Е Цэ впервые ворвалась в его душу сокрушительным ураганом. Словно тяжелый камень рухнул в зеркальную гладь тихого пруда, навсегда разрушив мертвенный покой и подняв со дна бурю.

В ушах снова зазвучал далекий, пронзительный голос Су Цзинхэ:

«Если бы только время можно было повернуть вспять...»

— Если бы я только мог всё исправить... — Ши Цзэ зажмурился, и одинокая слеза скатилась по его виску. — Клянусь, я бы ни за что не отпустил тебя. Я бы обнял тебя так крепко, как только возможно... и защитил от любой беды.

Ши Цзэ медленно закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/20657/2105676>